

Деопик Д.В.

Гегемония и гегемоны по данным “Чуньцю”

Гегемония возникла среди государств центральной части Восточной Азии как форма межгосударственных отношений, сменившая наследственную верховную (пусть зачастую номинальную) власть чжоуских ванов; ее, в свою очередь, сменило полное отсутствие верховной власти в период Чжаньго. Власть “пяти гегемонов” не распространялась на государства указанного района, но в целом доминирующим был откровенный “патронаж силы”, обозначаемый в литературе через понятие “ба” (“гегемон”). Большинство представлений об эпохе гегемонов строится на позднем, в той или иной степени, материале, что, естественно, влечет за собой некоторые искажения. В то же время для большей части “эпохи пяти гегемонов” имеется практически синхронный источник – “Чуньцю”, дающий массовые, хотя и отрывочные сведения по истории и политической практике четырех из пяти гегемонов: Ци, Цзинь, Чу и У (гегемония Юэ относится к более позднему периоду).

При помощи процедуры, описанной автором в статье “Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в “Чуньцю”¹, были получены некоторые характеристики как для гегемонов в целом, так и для каждого в отдельности. Они не образуют полной характеристики указанных государств, но обладают преимуществом максимальной (после эпиграфики) надежности.

Начнем с общих черт, наиболее важной из которых является то, что все гегемоны (а ядро первой китайской империи, в период создавая этой империи, проводившее политику гегемона, Цинь) – инокультурные, с точки зрения поздней китайской традиции, государства, “внешние” по отношению к плотно связанной между собой группе центральных государств среднего течения Хуанхэ, наследников чжоуской государственности и политической традиции. Именно наличие иного этнического состава, иной культура и экономики, в сочетании с большой экономической и военной мощью, приводило одно окраинное государство за другим в ряды гегемонов.

В пределах этой группы можно выделить две подгруппы, достаточно очевидные:

---

¹ сб. “Государство и общество в Китае”, т. 2, М., 1973.

северную южную. К северной относились Ци и Цзинь, объединявшие сравнительно отсталые и впоследствии районы, открытые в сторону степи с ее типами экономики, имеющие большую долю мобильных племен в составе населения. Южные, издавна земледельческие оседлые государства Чу и У (сюда же можно отнести и Юэ) обладали более высокой и устойчивой культурной традицией, что ясно из их последующей истории; опиралась эта культурная устойчивость на прочные экономические и социальные традиции.

По другому критерию, по времени гегемонии, также выделяются две группы, те же самые: ранние, Ци и Цзинь, с одной стороны, и Чу и У – с другой. Видимо, не случайно, что на раннем этапе, когда еще сильны были традиции “чжоуских”, сравнительно тесных связей, гегемонами были более близкие к потомкам чжоусцев (и отчасти иньцев) Ци и Цзинь; а позднее, по мере распада этой древней общности, гегемонами становились все более далекие культурно, экономически и географически государства. Отсюда ясно, что и само понятие гегемонии также не могло быть полностью неизменным на протяжении тех двухсот с небольшим лет, которые в Чуньцю соответствуют эпохе гегемонов; слишком разные две группы государств попадали под это определение.

Рассматривая данные “Чуньцю”, нельзя не отметить, что у авторов этой летописи отношение к разным гегемонам было различным, и это несколько исказило картину. В основном, искажения связаны с недружелюбными, как и у большинства государств Центральной равнины, отношением Чу при нейтральном отношении с У и дружественном, в основном, отношении к Ци и Цзинь. Но эта предвзятость повлияла не на все виды информации.

Систематизированные сведения “Чуньцю” о гегемонах сведены в две группы, в пределах которых рассмотрены все соответствующие факты, как относящиеся к гегемонам, так и образующие фон, на котором действовали гегемоны (так, для понимания влияния Чу как гегемона на такой вид международных контактов, как торжественные клятвы союзников, надо не только знать, сколько раз Чу участвовало в клятвах, но и сколько раз вообще лидеры собирались для клятвы в годы гегемонии Чу). Рассмотрение кратких итогов исследования будет вестись в следующем порядке: вначале данные об официальных и неофициальных дипломатических контактах, затем – данные о роли стран-гегемонов в военной истории изучаемого двухсотлетия.

Основной формой реализации дипломатических контактов были в эту эпоху

совместные клятвы и съезды государей. Общий анализ клятв, съездов и т.п. показывает, как Ци в Цзинь, стоянию вначале особняком, постепенно втягиваются в круг центральных государств бассейна среднего течения Хуанхэ (Вэй, Сун, Лу, Цао, Чэнь. Цао, само Чжоу). Это видно при сопоставлении интенсивности их связей с этими государствами в первой и второй половинах эпохи Чуньцю.

Анализ “клятв” позволил проследить изменение понятия гегемонии. Так у первого гегемона, Ци, совместные клятвы были основой международной политики; участвовали в них почти только монархи, 1 подавляющем большинстве клятв участвовал сам гегемон. Ни до, ни после гегемонии представителя Ци не участвовали в клятвах так часто. Эта традиция сохранилась и при Цзинь, но теперь гегемон был представлен обычно вельможей, а не монархом, как остальные участники. Налицо ситуация неравенства, ранее отсутствовавшая; меньше и сама роль клятв, так как гегемон в них стал участвовать реже, хотя в большинстве случаев – участвовал.

Дальнейшее падение роли совместных клятв в механизме гегемонии привело к тому, что третий гегемон – Чу, был представлен в клятвах всего два раза, а четвертый – У – ни одного. Для гегемонов – участников клятв – характерная общая черта – в отличие от остальных они участвовали и в массовых “парадных” клятвах и в деловых, “узких”. Что касается ранга представителей гегемонов на клятвах, то у Ци он всегда был таким же, что и у государств центральной группы, у Цзинь в раннем периоде – иным, а в позднем – таким же, у Чу – всегда иным.

Участие в съездах лидеров государств, в отличие от участия в клятвах – обязательная часть механизма гегемонии. Но отличие северных гегемонов видно и здесь: Ци участвовало в 91% съездов времен своей гегемонии, Цзинь – в 80%. А Чу ограничилось 20%, У – 50%. Добавим, что съезды, собиравшиеся Ци и Цзинь, были многолюдными, а Чу и У – малолюдными. Уже это наводит на мысль, подтверждаемую дальнейшим анализом, что реализация гегемонии в позднем Чуньцю шла за счет иных, чем вначале, видов контактов. Рассмотрев порядок перечисления участников съездов, можно уточнить различия в дипломатической практике гегемонов, поскольку этот порядок отражал престиж. Ци всегда возглавляло список во времена своей гегемонии, Цзинь – тоже; заметим, что бывший гегемон, Ци, на съезды Цзинь не ходил, не желал быть вторым. При гегемонии Чу, на съезды ездившего редко, их обычно возглавляло Цзинь (Ци стало на них ездить после того, как Цзинь перестало быть гегемоном); Чу стояло первым только тогда, когда отсутствовало Цзинь. В позднем Чуньцю

представительствование на съезде уже не было атрибутом гегемона. При У съезды теряют свое значение и порядок явно нарушается, отражая общий упадок роли дипломатических контактов. Изменился при У и личный состав его представителей на съездах, отличный от одинакового для Ци, Цзинь и Чу состава.

Сходную картину дает анализ военных союзов. Ци и Цзинь широко использовали эту разновидность межгосударственных соглашений. 87,5% военных союзов времен гегемонии Ци возникали с его участием (как и в клятвах – на уровне монарха), Цзинь участвовало в 66,7% союзов (как и в клятвах, на уровне вельмож-полководцев). Гегемоном совершенно иного плана было Чу; из 23 союзов его времени лишь 3 – с его участием, а 4 – против (!) него. У вернулось к практике военных союзов, но, в отличие от Ци и Цзинь – “узких”, как и большинство объединений позднего Чуньцю.

В обязанности всех гегемонов входило оказание военной помощи (сами они, кроме Ци в период исчезновения его гегемонии, помощи не получали, что подчеркивает военный характер власти гегемонов). Оказывали ее все, хотя Чу делало это реже других.

Важную роль в статусе гегемона занимал прием послов. Только к гегемонам ездили послами сами монархи, в то время как к сильным государствам, не бывшим гегемонами, ездили только послы. Сами гегемоны послов не посылали. Обязательного характера процедура посылки послов не имела, но, когда они посылались, престиж гегемона реализовывался указанным выше способом. Непосланию послов гегемоном соответствовало и отсутствие практики поездок монарха-гегемона соседние государства без конкретных дипломатических целей, тогда как другие государства, в том числе и гегемоны (до или после времени гегемонии), так делали. Это – еще одно из неписанных, по-видимому, правил поведения гегемона времени Чуньцю.

Некоторые особенности положения и политики государств-гегемонов можно установить, исследуя массовых материал по таким “ненормированным” видам межгосударственных контактов древности, как захват лидера одного государства другим государством и переезд такого лидера из одного государства в другое. Общая особенность всех гегемонов – они только захватывали лидеров, не будучи объектами захвата. Другая особенность “захватов” со стороны гегемонов – они не трогали монархов, ограничиваясь вельможами (вне срока гегемонии те же государства “захватывали” и монархов).

Вторая большая группа межгосударственных контактов -военные действия. Будут рассмотрены как частные случаи военных действий (вступление на территорию

противника, осада, сражения и пр.), так и вообще войн. Источник показывает, что именно в этой сфере проявлялась власть гегемонов.

Вступление на территорию противника, то есть войны с практическим эффектом – обязательный атрибут гегемона, так же как и отсутствие вступления противника на его территорию. Но реализовать этот вид контактов в условиях все меньших размеров военных коалиций, собираемых гегемонами, было все труднее, доля гегемонов в таких “вступлениях” постепенно падает. Что же касается менее результативных видов войн, а именно – походов (которые далеко не всегда завершались вступлением на территории противника), то быть их объектом не считалось для гегемона зазорным, и это случалось довольно часто. В этом и сказался практический, а не “титульный” характер названия “гегемон” – его власть отстаивалась в регулярных войнах. Как и в случае со вступлениями на территорию противника, гегемон гораздо чаще захватчик города, области, чем объект захвата. Но в том-то и сказывался отмеченный выше практический смысл отнесения государства к гегемонам, что власть их приобреталась и терялась в войнах, порой – длительных. С этим и связаны отмеченные источником захваты городов у некоторых гегемонов именно в конце их гегемонии; этот конец не был, таким образом, определенным рубежом, а скорее некоторым периодом упадка. Военный смысл гегемонии веден и из того, что гегемон всегда чаще выигрывает сражения, чем проигрывает, из того, что гегемоны не строили на чужих территориях укрепленных городов для защиты от третьего противника (поскольку потенциально на любой чужой территории гегемон мог быть втянут в войну за подтверждение своих прав, укрепления на территории соседей ему были невыгодны).

Общий анализ участия гегемонов в войнах с очевидностью показывает, что это знание имела страна, которая чаще и успешнее остальных воевала; на дело гегемонов приходится (в годы их гегемонии) больше войн, чем на долю любого другого государства. При этом они являются инициаторами большинства войн.

Агрессивность гегемона не направлена равномерно во все стороны. Ци и Цзинь в период своей гегемонии враждовали и с центральными государствами и с Чу. В период гегемонии Чу и У старые гегемоны помирились с центральными государствами, а с Чу продолжали иметь плохие отношения, по преимуществу воюя с ним и с У. Это, наряду с другим фактами говорит о том, что для северных гегемонов их гегемония была этапом на пути слияния с центральными государствами и быстрой ассимиляции. А развитые земледельческие государства юга, Чу и У, ставшие к тому же гегемонами в условиях

усиливающегося распада традиционных связей, так и не вошли в эпоху Чуньцю в указанное сообщество, тем более, что в VI – V вв. до н.э. оно все более распалось политически.

Данные “Чуньцю” позволили уточнить понятие “гегемонии”, как расплывчатого термина, с помощью которого более поздняя китайская традиция обозначила государство, военным путем достигшее признаваемого всеми преобладания. Это преобладаем реализовывалось в дипломатической практике, но не было строго зафиксировано, в отличие от “прав” Чжоу. Трудно точно зафиксировать и срок гегемонии, она приобреталась и (особенно) утрачивалась постепенно, в ходе военных столкновений, которые одни только и выявляли гегемона.

Внутри понятия “гегемон” в эпоху Чуньцю можно выделить две различные географически, культурно и во времени группы: Ци и Цзинь, с одной стороны, и Чу и У – с другой. При наличии общих черт, образующих исследуемое понятие, у них были и достаточно яркие различия. В первую очередь необходимо отметить, что Чу в период своей гегемонии не было признанным лидером Центральной равнины, хотя и считается гегемоном; фактически лидером во многом оставалось Цзинь, Чу и У ими эпохи Чуньцю были государствами, чужими для прото-китайских государств центра; их гегемония – это военная власть без дипломатических и культурно-обрядовой санкции, власть временная, не всеми признаваемая, в отличие от власти Ци (особенно) и Цзинь. Насколько можно судить по “Чуньцю”, постепенно власть гегемона становилась все менее оформленной, гегемония не давала власти над непобежденным в бою государствами, да и над побежденными – ненадолго. Победа, иными словами, не приводила в поздний период к возникновению устойчивого политического единства ни на каком уровне. Это изменение смысла понятия связано дальнейшим разрушением межгосударственных связей, начало которого совпадало с началом эпохи Чуньцю. На первом этапе власть Чжоу была заменена более гибкой системой гегемонов, на втором, позднем этапе распалась и эта форма верховной власти, гегемоны (после Юэ) исчезли в неразберихе Чжаньго. И не случайно, по-видимому, трудно даже установить время реального конца эпохи гегемонов (очевидно, до 403 года до н.э., условной даты начала Чжаньго).

Опубликовано в сборнике в V Научная конференция “Общество и государство в Китае”, Тезисы и доклады, часть I. С. 35-42